

Николай Брешко-Брешковский

**Русский художник В.В.
Верещагин**

Николай Николаевич Брешко- Брешковский

Русский художник В.В. Верецагин

«Трудно найти другого русского художника, имя которого пользовалось бы такой широкой европейской известностью, как имя Василия Васильевича Верецагина, творца батальных и этнографических картин. Популярность художника объясняется не столько его техникой или поразительным реализмом, сколько своеобразным пониманием сюжетов, задач творчества, и особенно содержанием его произведений. Изображая войну, Верецагин поставил главной задачей «рассмотреть войну в ее различных видах и передать ее правдиво». Вследствие чего война на его картинах является не парадной, не прикрашенной, как у других баталистов, а такой, как она есть на самом деле, где «лишь 10 % победы и 90 % страшных увечий, холода, голода, жестокости, отчаянья и смерти в самых ужасных и поразительных ее проявлениях». Все ужасы войны переданы знаменитым художником с поразительным искусством и заставляют зрителей переживать те тяжелые настроения, которые испытывали ее участники...»

Содержание

#1.....	0005
I.....	0006
II.....	.0014
III.....	.0027
IV.....	.0046

**Николай Брешко-
Брешковский
Русский художник В.В.
Верещагин**

Биография. Творчество. В. В. Верещагин – воин.

Верещагинские поминки с речами Графа И. И. Толстого, В. И. Ковалевского, И. Е. Репина, В. В. Стасова и И. Я. Гинсбурга

I.

Трудно найти другого русского художника, имя которого пользовалось бы такой широкой европейской известностью, как имя Василия Васильевича Верещагина, творца батальных и этнографических картин. Популярность художника объясняется не столько его техникой или поразительным реализмом, сколько своеобразным пониманием сюжетов, задач творчества, и особенно содержанием его произведений. Изображая войну, Верещагин поставил главной задачей «рассмотреть войну в ее различных видах и передать ее правдиво». Вследствие чего война на его картинах является не парадной, не прикрашенной, как у других баталистов, а такой, как она есть на самом деле, где «лишь 10 % победы и 90 % страшных увечий, холода, голода, жестокости, отчаянья и смерти в самых ужасных и поразительных ее проявлениях». Все ужасы войны переданы знаменитым художником с поразительным искусством и заставляют зрителей переживать те тяжелые настроения, которые испытывали ее участники...

Его тенденция – протест против войны и ее жестокостей.

Василий Васильевич Верещагин родился в 1842 г. в г. Черепце Новгородской губернии в семье уездного предводителя дворянства и провел детство в ее патриархальной обстановке. Рано обнаружилось в нем художественное дарование, но родители не обратили должного внимания на способности своего сына.

Мальчик-Верещагин на восьмом году был определен в Александровский корпус, откуда в 1853 году его перевели в Морской корпус. Уже в училище созрела у будущего художника решимость посвятить себя искусству и с 1858 года он посещает школу общества поощрения художеств. Окончив корпус, Верещагин всего месяц пробыл на службе и, не без противодействия со стороны родителей, поступил в Академию художеств, где числился с 1861–1865 г. Он работал под руководством А.Т. Маркова и А.Е. Бейдемана. В 1862 году Верещагин был удостоен малой серебряной медали за эскиз: «Избиение Улиссом женихов Пенелопы, а за повторенную им в больших раз-

мерах композицию на тот же сюжет получил похвалу Академии».

Но уже в академии сказалась оригинальность и самобытность таланта Василия Васильевича. Не по душе ему были традиции старой академии. Молодой художник не мог помириться с ложноклассической манерой преподавания и упорно отказывался копировать знаменитых мастеров. Впоследствии он сжег свою академическую композицию; «чтобы никогда не возвращаться к этой чепухе».

Не кончив Академии, Верещагин отправился в Париж, где работал в «Ecole des beaux arts» под руководством Жерома. Возвратившись на родину, он некоторое время был преподавателем рисования в одном из женских учебных заведений Тифлиса. С Кавказа Василий Васильевич привез много рисунков типов и сцен, которые впоследствии были им помещены в журналах «Le Tour de Monde» и «Всемирный Путешественник». Некоторые из них были на Академической выставке 1867 года. В 1864 году Верещагин был на Дунае и опять посетил Кавказ. По возвращении в Петербург он просил Академию выдать ему сви-

детельство в том, что он награжден серебряною медалью и путешествовал по Кавказу и Закавказью с художественною целью, – что и было исполнено. В 1866 году была впервые выставлена в Парижском салоне одна из картин Верещагина.

Художник-реалист, Верещагин стремится изображать действительность, но не такую, которую пишут все художники. Его влекут страны и люди, неведомые еще искусству... Начинаются скитанья Верещагина, причем он не останавливается ни пред какими трудностями и опасностями. Горячо любя искусство, он смело идет навстречу смерти. В Туркестане принимает участие в Самаркандской битве, в русско-турецкой войне под градом пуль изучает падение бомбы в воду, на Гималаях солнце жжет его спину, тогда как пальцы от холода едва держат палитру... На войне он никогда не остается только равнодушным зрителем...

В 1867 году мы видим художника в Туркестане, прикомандированным к генерал-губернатору Кауфману и после Самаркандской битвы георгиевским кавалером. После Турке-

станского похода Верещагин едет в Париж и Мюнхен, где из-под его кисти выходит серия туркестанских картин, которая была в 1873 году выставлена в Лондоне. Особенным успехом среди публики пользовались «После уда-чи», «После неудачи», «Опиумоеды» и «Бача со своими поклонниками», уничтоженные автором.

Через год и Петербург увидел эту коллек-цию, которая имела успех. Но картины «Окру-жили – преследуют», «Забытый» и «Вошли» навлекли на автора обвинения в излишней тенденциозности и были сняты с выставки и уничтожены Верещагиным.

К 1874 году относится полный разрыв Ва-силия Васильевича с Академией. Академия возвела его в звание профессора. Художник отказался и был исключен Советом Академии из числа ее членов.

Результатом двух лет (1874–1876), прове-денных Верещагиным в Индии, явилась ин-дийская серия в 32 картины, написанные им в Париже. Между тем началась русско-турец-кая война и Верещагин – на Дунае. По-преж-нему он не только зритель, но и участник боя.

Состоит при Скобелеве и Гурко, получает рану на миноноске Скрыдлова, присутствует при Плевненской битве, а во время набега на Адрианополь даже исполняет должность начальника штаба. Мало того, – он объездил почти всю Болгарию и привез в Париж огромное количество этюдов, послуживших материалом для 13 картин его болгарской серии. Эта коллекция вместе с индийской была выставлена в главнейших городах Европы, а в 1883 году – в Москве и Петербурге.

Но неутомимому художнику все казалось мало. Его душа искала новых впечатлений, и он предпринимает поездку в Палестину и Сирию, результатом которой были выставленные в Вене, Берлине, Лейпциге и Нью-Йорке картины на сюжеты из Нового Завета. В них Верещагин окончательно порвал с традициями религиозной живописи. Его трактовка новозаветных сюжетов в духе толкований Ренана вызвала большие толки и подняла целую бурю в населении католической Вены.

После 1884 года. Верещагин совершил поездку по северу России, но его этюды остались необработанными, потому что внимание ху-

дожника привлек 1812 год, и из-под его кисти вышел цикл Наполеоновских картин.

Как художник-реалист, Верещагин хорошо передала то, с чем он соприкасался в действительности. Поэтому его палестинский и наполеоновский циклы слабее картин азиатского востока и войны, ибо в первых ему приходилось иметь дело с исторической, а не настоящей действительностью и многое дополнять воображением.

Большинство картин Верещагина находится в Третьяковской галерее и у частных лиц в России и за границей.

Василий Васильевич владел не только кистью, но и пером. Его взгляды на искусство выражены им в статьях «О реализме» (журнал «Художник», «О прогрессе в искусстве», где он является горячим защитником реалистического направления в живописи и врагом всякой тенденциозности. В своих каталогах к выставкам Верещагин объясняет, дополняет, и толкует свои произведения.

Кроме того, его перу принадлежат путешествия и воспоминания: «Заметки, очерки и воспоминания», «На воне в Азии и Европе»,

«Детство и отрочество», «Очерк путешествия по Гималаям», роман «Художник» и др.

II.

Погиб Василий Васильевич Верещагин!
Погиб единственный русский «баталист Божию милостью» если можно так выразиться.

Верещагин вдруг и резко порвал с царившей у нас до него «баталической школой». Когда он выставил свою кошмарную серию туркестанских картин и этюдов, где зафиксировал беспощадной кистью своей войну со всеми ее ужасами – повалившая густыми толпами публика увидела, что слащавым парадным баталиям Коцебу и Виллевальда пришел конец...

Увидела, что война не красивый смотр, где, лихо подбоченясь, гарцуют изящные ординарцы Виллевальда, и где для приличия, точно уснувшие, разметались в грациозных позах убитые. словно герои гипсовых классов – «умирающие галлы» и гладиаторы!

Совсем другую войну, свою, Верещагинскую и вместе правдивую, реальную показал Василий Васильевич родине, Европе, показал всему свету...

В течение четырех десятилетий он систематически внушал отвращение и будил негодование к жестокой и кровавой человеческой бойне, именуемой войною.

Он воевал с нею. Щитом ему служила палитра. Шпагами – кисти. Убедительно и неотразимо умел Верещагин владеть своим оружием.

Недаром австрийское правительство «попросило» однажды Василия Васильевича снять с выставки картины, мотивируя свою просьбу тем, что «верещагинские документы» ослабляют воинственный дух австрийской армии.

Там же какой-то доброволец-фанатик облил две картины Верещагина серной кислотой, изуродовав их, что и требовалось доказать...

* * *

Вспомните хорошенько все виденные вещи погибшего баталиста. Их много, сотни, пожалуй, тысячи. И нигде, решительно нигде, за исключением разве «Бородина», вы не найдете момента сражения, боя. Всюду – либо до, либо после. Причины этому двоякие.

Во-первых – тенденциозные. Не отвлекаясь «движением», зритель глубже проникается сознанием закулисной неприглядности войны, ее изнанки. Во-вторых, причины чисто технические. Верещагин – ученик Жерома, знаменитого компоновщика. Жером своими батальными композициями первый сказал европейской школе:

– Не художественно и не убедительно будет, если вы изобразите момент какого-нибудь стремительного, бурного движения. На картине – занесенный над чьей-нибудь головой меч производит комическое впечатление. Молниеносное мгновение кажется в рисунке вечностью.

В самом деле, гораздо сильнее концентрируется настроение, когда мастер умно скомпонует момент многоговорящего затишья.

Посредственный иллюстратор Ян Стыка «размалевал» арену римского цирка, где хищные звери поедом едят христианских мучеников – кому ногу оторвали, кому руку, кому голову, кого сообща потрошат и терзают. И в результате – что-то жалкое, лубочное, и краем крыльев не задевающее ваших нервов.

Теперь взгляните у Жерома... Кучка обезумевших от ужаса христиан сбилась у стены... А к ней медленно, зловеще, фиксируя своим кошачьим желтым взглядом ее – приближается великолепный тигр... Мгновение – и он сделает гигантский скачек прямо на это обреченное на гибель человеческое мясо... Вы видите, что эта картина, и даже суховато написанная, – но у вас невольно захватывает дух...

Таков и Реньо со своими деспотами фараонами, таков и ученик Жерома – Верещагин.

* * *

Два года назад, в Париже я говорил о Верещагине с Жеромом. У Жерома сохранились о Василии Васильевиче хорошие воспоминания. Считает его очень талантливым и... слегка чужаком... «Un home bizarre» – заметил Жером, улыбаясь тонкими губами выразительного, умного рта.

В парижских ателье укоренились традиции. Старшие ученики подвергают новичков различным искусствам. Один из главных – заставить раздеться, после чего «мэтры» мажут голое тело новичка красками, татуируют его, не оставляя, как говорится, живого места. Если

испытываемый сопротивляется – его раздевают насильно.

Очутился в мастерской Жерома и Верещагин. Его окружили и попросили раздеться. Василий Васильевич побледнел. «Мэтры» настаивали. Верещагин отступил на шаг, вынул из кармана револьвер и спокойно, ледяным тоном заметил:

– Первому, кто меня коснется – размозжу голову.

Вся студия мгновенно затихла. У видывавших виды «мэтров» вдруг опустились руки...

Верещагина оставили в покое.

Чрезвычайно характерный мазок для всего величавого верещагинского портрета. В одной «истории с револьвером» сказалась гордая, самолюбивая натура громадной силы воли и неустрашимости...

Жером ставил Верещагину на некоторый минус любовь к рекламе. Но, право, покойный художник не был уж таким ярким рекламистом, как почему-то сложилось мнение и нас, и за границей.

* * *

Только разве на долю картин Куинджи вы-

пал такой бурный неслыханный успех, каким была встречена туркестанская коллекция Верещагина. Да и не только туркестанская.

Публика, словно зачарованная, смотрела феерические полотна из жизни далекой таинственной Индии. Восточная обстановка, странные, невиданные предметы, оружие, — усугубляли впечатление, делая его еще напряженнее... Публику гипнотизировала эта роскошная, чудовищная природа картин Верещагина, эти сверкающие драгоценными камнями раджи и эти вереницы слонов, что шутя дробили головы осужденных своими тяжелыми ногами-бревнами...

Колористом, поэтом красок, Верещагин никогда не был. Эта чарующая поэзия была чужда его, скорее рассудочной, чем художественной натуре. Но, все же, как очень талантливый и добросовестный мастер, он умел передать и жгучее солнце, и яркий свет знойных тропиков, и холодный воздух дальнего севера.

Наблюдая мимолетный эффект северного сияния, чтобы сейчас же, пока не ослабело зрительное впечатление, зафиксировать его

на холсте, Верещагин на сильном холоде чуть не замерз, деревенели пальцы, но все же добивался желаемого. Для этого железного человека не было препятствий!

... Он сидит на берегу Дуная и набрасывает этуод разбиваемых в щепы турецкими ядрами лодок, переполненных тонущими русскими солдатами. Кругом – крошечный ад! Шлепаются и взрывают землю гранаты, свистят пули. А Верещагин – хоть бы что! Не до того ему. Он весь ушел в стремление поймать эффект солнечных лучей, преломляемых в затуманенной плывущими лодками зеркальной поверхности широкого Дуная. Шалая турецкая пуля разбивает вдребезги палитру. Верещагин преспокойно достает новую и, как ни в чем ни бывало, продолжает писать...

Более рискованные сеансы даже и во сне не пригрезятся!

Точно также под пулями текинцев, когда не хватало обозных солдат, Верещагин, перевозил фургоны с нашими ранеными. В русско-турецкую войну Василию Васильевичу, чтоб не быть убитым наверняка, пришлось ползти на четвереньках по одной из шипкин-

ских тропинок. Тропинка была усеяна разложившимися трупами, и Верещагин в течение двух часов месил руками и ногами эти зловонные, мягкие, кишасщие червями трупы...

* * *

И после всего этого пережитого, после всех этих зрелищ, мог ли он иначе живописать войну?! «Все с натуры и ни одного мазка от себя» – было его девизом. Где он только ни писал своих этюдов! На длинной веревке его спускали в легендарные азиатские «клоповники», где гниют заживо погребенные люди... И, задыхаясь в ужасной атмосфере, он изучал, как узенькая, почти вертикальная, полоса света «играет» на липком и топком дне клоповника, на грудах черепов, на изуродованных проказою и паршами головах обезумевших, обратившихся в жалких, скотоподобных идиотов, узников этих темниц, придумать которые могла только жестокая фантазия азиат...

Мудрено ли, после этого, что когда смотришь проклятые «документы» Верещагина, вроде клоповника, что в Третьяковке, – по коже начинают бегать мурашки...

Академия, классическая академия начала шестидесятых годов, не дала Верещагину ничего. Если кто и принес ему некоторую пользу, это действительно талантливый и живой Бейдеман, резко выделявшийся изяществом своей живописи и относительно оригинальными композициями среди мертвых рутинеров-профессоров, какими были Марков и Шамшин...

Порвав с академией, Верещагин не пристал ни к какому лагерю. Передвижники были ему тоже чужды. Он всегда выставлялся в одиночку. Его успех, головокружительный, фантастический успех, породил всевозможные толки. И поклонники, и хулители Верещагина не избежали крайностей. Завистники и недоброжелатели выросли вдруг, как грибы в дождливую непогоду. Они называли Верещагина шарлатаном, фигляром, бездарностью, фельетонистом. За его триумфальной колесницей гнались клеветники...

Не было тех мерзостей, которые не распускались бы про Верещагина. Академия, в лице действительно бездарного Тютрюмова, травми-

ла Верещагина, печатно. Бросалась прозрачная тень на несамостоятельность его работы. Писали, что он «фабриковал» свои картины не сам, а в компании наемных мюнхенских художников. Нашлись даже такие, что обвиняли Василия Васильевича и политической неблагонадежности, и ненависти к отечеству. «Он-де подкуплен врагами России» и т. д.

Забрасывали грязью даже Павла Михайловича. Третьякова, зачем он купил за девяносто тысяч туркестанскую коллекцию Верещагина. Даже такая чистая, хрустальная душа, как Перов, не могла слышать имени Верещагина без нехорошего, завистливого чувства. Сконцентрировав на себе всеобщее внимание, Верещагин сильно ослабил популярность новых жанровых картин Перова. И Перов, уже больной, надломленный, бросился вдруг к большим историческим полотнам, думая восстановить ими померкшую славу...

* * *

Далеко зашли в своих восторгах и поклонники Верещагинского таланта. Они называли его одним из первых, – если не самым первым, – баталистом Европы. Разумеется, он

неправы. Верещагину было далеко до глубины захвата и живописи Невилля, до рисунка, замечательного рисунка Моро и Детайля. Его полотна – не картины, а умные, талантливые иллюстрации, которые поразят вас на несколько минут, но не способны захватить надолго тем тонким чувством, которым чаруют вас дышащие широким творческим размахом версальские холсты Невилля.

Большой ум, человек высокого гражданского подъема, всегда брал в Верещагине перевес над художником. Да простят мне мою дерзость – я позволю себе усомниться: любили в самом деле Верещагин искусство?

Его «документы»-картины не согреты этой любовью.

Он был не только художник талантливый, но и писатель даровитый. Коли собрать его фельетоны, рассказы, получатся целые тома. Почти все сплошь – это прекрасный этнографический материал. И редко-редко, почти никогда не писал Василий Васильевич об искусстве. А уж кому бы, кажется, и книги в руки, как не ему? Фельетон о Лемане в «Русских Ведомостях», еще две-три статьи – и обчелся.

Популярность Верещагина была колоссальна. С нею мог соперничать у нас разве один только Айвазовский. Василия Васильевича знали во всех уголках земного шара. Выставлял он повсюду, до Америки включительно. Тяжелые пудовые альбомы были сплошь исклеены его биографиями, рецензиями, портретами и карикатурами, вырезанными из газет и журналов Европы, Америки и даже Азии.

И он вполне заслужил свою популярность, свою феерическую славу.

Когда имя его гремело, и ничто не могло поколебать его триумфального шествия, академия спохватилась, и присудила ему звание профессора. И Верещагин – неслыханный, небывалый пример! – отказался печатно.

Со своими батальными картинами он сыграл такую же роль, какая выпала в литературе на долю «Севастопольских рассказов» Толстого.

Доблестной, героической смертью погиб Верещагин. Это был последний мазок, чудный волшебный мазок для его духовного

портрета.

Крупная, достойная памятника фигура!

III.

Быстро бежит время...

Давно ли, кажется, узнали мы горестную весть о гибели на «Петропавловске» Верещагина?

Вся Россия дружно оплакала трагическую смерть знаменитого художника...

Верещагин не только живописал войну, но и принимал в ней самое близкое, длительное участие. Богата приключениями шестидесятидвухлетняя жизнь его! Одно восьмидневное «самаркандское сидение» чего стоит! Эта ужасная томительная неделя, когда горсть русских солдат, запершись в тамерлановской цитадели, героически выдерживала осаду большого двадцатитысячного полчища туземцев – может показаться легендарной. Многие так и думали!

Изнурительная азиатская лихорадка заставила Верещагина покинуть отряд. Он уехал в Париж, очутившись там среди оставленных товарищей-художников.

Целый каскад вопросов:

– Ну что, как!?

Верещагин картинно и сочно описал свои туркестанские впечатления...

На следующий день профессор Гун говорит Василию Васильевичу:

– Ты помнишь инженера К., который вместе с нами слушал вчера твой рассказ?

– Помню.

– Когда ты ушел, он сказал, что ты все врал... И что ты водил солдат на штурм, и что тебе присудили Георгия... Это – говорит, – невозможные вещи, – ему померещилось...

Через месяц вся обычная компания собралась в кафе. Вошел Верещагин. Инженер К. вдруг сконфузился. Перед этим Гун прочел вслух в русской газете, что Государь Император «за блистательное мужество и храбрость» – пожаловал Верещагину георгиевский крест...

* * *

С солдатским ружьем, Верещагин целые дни проводил на стене самаркандской цитадели, стреляя в осаждающих туркмен-халатников. Но время одного штурма враги подошли совсем близко... Двух Верещагин застрелил методично, по-профессорски. Он по-

ложил винтовку на выступ стены и ждал...

Первый туземец упал как скошенный... Ватный халат на нем загорелся, и к вечеру труп совершенно обуглился, а поднесенная ко рту в последний момент рука – так и застыла скрюченная...

Тревожные кровавые дни сменялись чудными южными ночами... Тихий теплый воздух, глубокое звездное небо... Кротким всепрощающим миром веяло кругом... И верить не хотелось Верещагину, что утро сулит новые ужасы, новые жертвы и кровь, кровь, кровь без конца...

Часто производились вылазки. Неопытных молодых солдатиков пугала предательская кривизна узких самаркандских улиц, где можно заблудиться, сгинуть бесследно, и они пятились, шли неохотно... Увлекающийся, не ведающий страха, Верещагин всегда уходил далеко вперед один-одинешенек...

Раз у порога сакли он сцепился грудь с грудью со здоровенным халатником, который ударом тяжелого кистеня оглушил художника, и – не подоспей на помощь услужливый штык набежавшего случайно солдата – толь-

ко б и видели Верещагина!

Но неисправимый Василий Васильевич нисколько не охладел от этого опасного урока и продолжал вместе с начальником гарнизона, полковником Назаровым водить на штурм защитников цитадели. И когда в недобрую минуту его окружили и стали колоть пиками звероподобные туркмены – единственной мыслью было:

– Батюшки, – отнимут ружье – срам выйдет!

Но, к счастью, ружья не отняли.

* * *

В сорок раз превосходили наших туркмены численностью, и мудрено ли, что ценою громадных потерь, правда, им удалось овладеть частью старой крепости. И тотчас же у башни затрепетал позорный для русских флаг... Дикарей отбили, отбросили назад, но флаг, словно дразня, продолжал трепетать в ярком солнечном воздухе...

– Снять его! – крикнул Назаров.

Никто не шелохнулся. Идти к открытой, осыпаемой выстрелами башне, – значило искать смерти, шутить с нею... Молча, не говоря

ни слова, двинулся Верещагин к башне... Вот он почти у знамени... Снизу стреляли по благодарной мишени. Меткие пули свистели, жужжали вокруг художника, обсыпая его щебнем и штукатуркой... Но Верещагин, как ни в чем ни бывало, – преспокойно взял древко и спустился со своим трофеем к изумленным и пристыженным солдатам.

А в свободные от боевой страды часы Василий Васильевич писал этюды, – смуглого афганца, типичных солдатиков, тамерлановой мечети, пленявшей его своей величественной причудливой архитектурой.

По словам Верещагина, наши никогда не позволяли себе бесполезных жестокостей.

Раз – это исключение – он видел, как одному из тяжело раненых туркменов солдат воткнул в глаз штык и повернул его так, что в черепе скрипнуло... Василий Васильевич не выдержал и ударил солдата...

* * *

Из отважного воина Верещагину выпадало превращаться в чернорабочего. Да еще в какого чернорабочего!

Когда стало тише, – с минуты на минуту

ждали генерала Кауфмана, – Назаров решил сделать вылазку для уборки трупов. Под знойным солнцем они быстро, чуть ли не мгновенно разлагались и грозили повальной заразой. Всех, в том числе и Верещагина, тошнило от невозможного смрада... Но Василий Васильевич погружал в разбухшие, кишащие исполчинскими червями тела штык и проталкивал их до большого арыка (канавы).

У стены вздымалась горой разбухшая серая лошадь. А еще вчера Верещагин любовался и ею, сильной, красивой стройной, и всадником. Обоих подстерег заряд картечи...

Когда лошадь тронулась с места, она лопнула по швам, и разлезлась вся, как кисель. Одни упали в обморок, другие корчились в судорогах, а пошатнувшийся Верещагин шлепнулся прямо в шевелящуюся жидкую мякоть лошадиного трупа...

И это не кошмарная, созданная горячечной фантазией, сказка, – а беспощадная неумолимая проклятая правда, зафиксированная документально!

Оказывается, есть ощущения, – Верещагин перестрадал их – для которых на бедном чело-

веческом языке нет названия, нет слов, нет даже звуков...

Сделав туркестанскую кампанию, Верещагин исследовал еще дикую, почти девственную границу Китая и помчался в Мюнхен, где написал целую серию картин, создавших ему сразу громкую популярность идейного, глубоко самобытного художника-мыслителя.

Его выставки в Петербурге, Москве и во всех европейских столицах напоминали какое-то победное триумфальное шествие. Не успели отзвучать в заграничной прессе дружные хвалебные гимны картинам Верещагина и его таланту, как вспыхнула русско-турецкая война.

Василий Васильевич почувал новый материал для своего «жестокоего» дарования, новые кровавые приключения, до которых он был большой охотник, и, оставив Париж, через несколько дней очутился на Дунае. Здесь он встретил Скобелева, молодого, блестящего генерала, которого помнил по Туркестану скромным гусарским штаб-ротмистром. Встретились старые знакомцы приятелями.

В распоряжение Верещагина был дан ка-

зак, и художник принял горячее, живейшее участие в действиях скобелевского отряда. Вместе лейтенантом гвардейского экипажа Скрыдловым на его миноносце «Шутка» он ездил взрывать турецкие броненосцы.

Благодаря только разве чуду, не погибли оба беззаветные храбреца. Их засыпали жарким свинцовым дождем отовсюду. С близкого берега по «Шутке» стреляли черкесы и башибузуки, вооруженные превосходными винтовками Пибоди. По это были пустяки в сравнении с тем жестоким, убийственным огнем, которым встретили Верещагина со Скрыдловым турецкие броненосцы и миноносцы. Пули и картечь буквально изрешетили «Шутку», и погрузившаяся на две трети в воду, она ежеминутно грозила пойти ко дну... Верещагин был ранен в бедро, Скрыдлову прострелили ноги, обожгли и контузили руку...

* * *

Верещагин познакомился с начальником штаба скобелевского отряда, капитаном Куропаткиным. Художник дает сжатую, выпуклую характеристику Куропаткина:

«Это был бесспорно один из лучших офи-

церов нашей армии. Храбрый, умный и вместе чрезвычайно хладнокровный. Скобелев ценил и уважал его, хотя часто спорил. И в этих спорах рассудительный начальник штаба почти всегда оказывался более правым, чем стремительный, увлекающийся генерал. В самые опасные моменты, когда все кругом цепенело, Куропаткин хранил самообладание и оставался спокойным».

Когда пушечные выстрелы турок взорвали во время шипкинского перевала зарядный ящик, и засыпанный землей, камнями, осколками гранат, Куропаткин упал над пропастью, тяжело раненый, первой его фразой было:

Послать ординарца, чтоб приказал усилить огонь на правом фланге...

И тотчас же глубокое обморочное состояние надолго охватило его.

В то время, как под траурное похоронное завывание зимних балканских вьюг гибли от мороза, холода и недостатка провианта целые роты, батальоны, скобелевский отряд находился в отличном состоянии. И все это благодаря Куропаткину, который своевременно

позаботился, чтоб у солдат были теплые на-
брюшники и просаленные портянки. Кроме
того, отряд сопровождался обозом с запасом
вареной говядины, сухарей и чаю.

* * *

Этюды свои писал Верещагин при самых
невозможных условиях. То портились худо-
жественные принадлежности, то терялись
ящики с красками, то исчезали этюды. Во вре-
мя стоянки у Дуная Верещагин слетал в Па-
риж купить холста и красок. Отлучка вместе
с дорогой заняла, около трех недель. Во время
переправы через Дунай, Василий Васильевич
примостился на берегу писать. Кругом, в
нескольких шагах, падали с шипением в воду
и разрывались турецкие гранаты.

– Уходите отсюда: вы – сумасшедший, – со-
ветовали художнику доброжелатели.

– И не подумаю, – отвечал он, дымя сига-
рой и кладя на дощечку мазки. – Где я увижу
такие интересные световые эффекты? А врать
отсебятину я не хочу и не могу.

С Верещагиным считались. И Скобелев, и
Радецкий, и бравый кавалерийский генерал
Струков охотно принимали его советы. Ему

поручали то казачью сотню, то драгунский эскадрон для тех или других рискованных, требующих большой сообразительности, рекогносцировок. Верещагин выполнял их блестяще, и главнокомандующий, Великий Князь, несколько раз при всех благодарил его. Эти благодарности выразились реально в пожаловании художнику золотой шпаги.

Верещагин находит большую моральную разницу, между Скобелевым туркестанским и Скобелевым – героем русско-турецкой войны. Там, в Средней Азии, военные реляции Скобелева не были чужды элемента фантастического. Он доносил об истреблении несуществующих шаек бухарских разбойников, доносил, что Хива была взята ценою жаркой битвы, в то время как на самом деле городские власти смиренно выходили к победителям с хлебом и солью.

Иным человеком является Скобелев на Балканах. Его реляции полны правды. Даже в самых ничтожных фактах – ни тени искажения. Только с виду Скобелева, был холоден и нечувствителен к потерям войска. На самом же деле Верещагину не раз удавалось заме-

чать на глазах «белого генерала» слезы, когда он осматривал усеянное русскими трупами поле догоревшего сражения.

* * *

В присутствии Верещагина и даже очень близком, – они были почти рядом, – Куропаткин получил вторую серьезную рану. Художник набрасывал в альбом открывавшуюся часть шипкинской долины. Он поднял глаза, и видит, как ведут под руки смертельно бледного начальника штаба. Пуля ударила его и левую лопатку, скользнула по кости и вышла через спину. По словам Верещагина, это был самый опасный, самый губительный огонь, который ему доводилось когда-либо переживать. Это была сплошная барабанная трескотня выстрелов. Люди и лошади, убитые наповал, валились ежеминутно и устилали почву трупами.

Куропаткину перевязали наскоро его рану, и на носилках понесли в Габровский госпиталь. Приподнявшись на локте, Куропаткин сказал:

– Советую поскорее выбить турок во что бы то ни стало. Иначе они перегубят много

наших.

Скобелев заплакал, но быстро оправился.

– Полковник граф Келлер, вы вступите в должность начальника штаба.

– Вот и производство вышло, – пошутил удалявшийся с носилками Куропаткин.

– Незаменимая потеря, – прошептал мрачно Скобелев. – Слава Богу, что временная. Такой молодец быстро станет на ноги.

Симпатичными красками рисует Верещагин фигуру военного корреспондента Немировича-Данченко. Энергичный, выносливый, обладающий железным здоровьем, талантливый писатель и чудный собеседник, Василий Иванович поспевал всюду на своей маленькой, бодрой лошадке, с которой ни за что не хотел расстаться.

* * *

Верещагин первый подал мысль идти на Адрианополь, откуда, рукой подать до Царь-Града. Это движение было одобрено и главнокомандующим, и Скобелевым. «Белый генерал» послал на Адрианополь большой кавалерийский отряд с одной батареей под начальством Струкова. Сопровождал Струкова, ко-

нечно, и душа этого дела – Василий Васильевич.

В дороге продовольствие не отличалось роскошью. У Германлы иссякли последние запасы. Тогда Верещагин, недолго думая, схватил безмятежно пасущегося барана и приторочил его к седлу. Офицеры трунили над заботливым художником, что не помешало им, однако, на первом же привале дружно уничтожить жирного барашка до последней косточки.

Струков и Верещагин имели свидание в железнодорожном поезде с турецкими уполномоченными относительно заключения мира, – двумя пашами: министром двора Намиком и министром иностранных дел Севремом.

Им доложили о приезде русского генерала. Струков пошел в вагон, отрекомендовавшись начальником авангардного отряда, а Верещагина представил как своего личного секретаря. Небритые, всклокоченные, в косматых бурках, оба русские воины имели дикий вид, и, невзирая на их отличный французский язык, турецкие министры смотрели на них с изумлением.

Намик начал с решительной для турецкой армии битвы под Шейновом. Севрер-паша перебил его:

– Скажите откровенно, дружески, неужели наши не могли больше держаться?

– Не могли, паша, уверяю Вас, – ответил Верещагин и вынул записную книжку. Там он, с ловкостью лучшего офицера генерального штаба, начертил план Шейнова, вывел турецкие позиции и также позиции Радецкого, Скобелева и Святополка-Мирского. Потом он объяснил, как последние два генерала обошли турок и заставили их положить оружие.

Турки застонали и отвернулись, чтоб скрыть слезы.

Этот чертеж и по сей день хранится в одной из записных книжек Верещагина.

* * *

В Германлы струковский отряд пробыл несколько дней. Верещагин торопил генерала сделать поскорей быстрый молодецкий набег на Родосто и сорвать миллионную контрибуцию с богатого города. Но Струков колебался, и администрация Родосто, предупрежденная лазутчиками, успела увезти свою казну на су-

дах в открытое море.

В Германлы Струков поручил Верещагину удерживать солдат от грабежа, и заняться разоружением обывателей. Большой любитель восточного оружия, художник осмотрел несметное количество кривых ятаганов, осыпанных камнями сабель и выложенных хитрыми инкрустациями пистолетов и ружей. Кое-что, в том числе и арабские мушкетеры с тонкими, металлическими прикладами, Верещагин отобрал себе, как материал для будущих картин.

Увы! В ближайшую же ночь нагруженная драгоценным оружием телега была украдена, даже вместе с влекущими ее круторогими волами.

Вот как рассказывает художник о приеме адрианопольского посла:

«Пребуыйный грек, вооруженный до зубов и чуть ли не под хмельком; он объяснил, что послан новым губернатором предложить русскому отряду занять город.

– Какой такой новый губернатор? – спросил Струков.

– Ну! когда военный губернатор взорвал

замок и ушел с гарнизоном, султан приказал Фасу быть губернатором – кого же еще вам нужно!

Этот посланный своего губернатора держался так дерзко, что я попросил у Струкова позволения переговорить с ним постороже.

– Пожалуйста, – отвечал он. Во весь размах руки я вытянул буюна нагайкою – он ошалел, и впервые встал смирно и почтительно.

– Как ты смеешь так говорить с русским генералом, а? Поди скажи твоему новому губернатору, что генерал его не признает и придет сам назначить губернатора. Марш!

– Однако, строги же вы, – сказали мне Струков и офицеры.

– Попробуйте говорить с этими головорезами иначе, – отвечал я, – разве вы не видите, что это рассчитанная дерзость».

* * *

К Струкову привели двух албанцев разбойников, которые, – по словам болгар, – вырывали из утроб матерей младенцев. Их крепко связали спинами друг к другу и бросили на землю. Мрачно смотрели они исподлобья на окружившую их толпу.

Верещагин предложил Струкову повесить их. Но генерал уклонился, сказав, что не любит расстреливать и вешать в военное время. Он передаст этих двух молодцев Скобелеву, а тот пускай делает, что хочет...

– Хорошо, ответил Верещагин, – я попрошу Михаила Дмитриевича: от него задержки вероятно не будет.

– Что вы, Василий Васильевич, сделались таким кровожадным. – заметил Струков.

Тогда Верещагин признался, что еще не видел повешения, и очень интересуется этой процедурой, которая будет совершена над разбойниками. Ему и в голову не приходило, что можно простить таких злодеев.

Вечером приехал Скобелев. Верещагин к нему.

– Повесьте этих разбойников.

– Это можно, – спокойно ответил Скобелев, и приказал нарядить полевой суд над схваченными албанцами.

Верещагин думал, что увидит процедуру повешенья и передаст ее на полотне. Но Струков упросил Скобелева не убивать разбойников. Просил, как о личном одолжении.

Верещагин написал их связанными. Он так и не понял, какое сентиментальное чувство побудило миловать албанцев, разбойников, без зазрения совести губивших болгар, когда жизнью наших жертвовали за тех же болгар тысячами.

* * *

В день заключения сан-стефанского мира, – художник умчался в Париж писать свои картины. На театре затихнувших военных действий ему нечего было больше делать...

IV.

В круглом конференц-зале Академии Художеств чествовали память трагически погибшего Василия Васильевича Верещагина. А назад лет тридцать пять, в этом же самом зале, совет мало что не предавал Верещагина анафеме.

Tout passe, tout casse, tout lasse...

Декоративная сторона блистала скромностью. Маленькая статуэтка пишущего этюд Верещагина, работы И.Я. Гинсбурга, небольшая картина кисти В.В. «Милосердие», которую он подарил Красному Кресту, и два этюда, сделанных им из окна мастерской Гинсбурга во время лепки портрета. Один холстик размазан совершенно, ничего не разберешь. Когда Верещагин набрасывал его, подошел Гинсбург:

– Это очень мило.

– Да, мило? вы находите? – переспросил Василий Васильевич и провел по сырой живописи сверху донизу подошвой. Таким образом, получился еще следок В.В., удлинённый, неправильный, но все же следок.

Сюжет «Милосердия» незатейлив. Раненый диктует «сестрице» письмо на родину. Лицо хорошенькой сестрицы очень экспрессивно.

К девяти часам собралась публика, и начались речи.

Первым говорил вице-президент Императорской академии художеств, граф И.И. Толстой. Коснувшись необычайной популярности Верещагина, граф сделал беглую характеристику Василия Васильевича, останавливаясь на психологических противоречиях, уживавшихся в крупной и сильной натуре великого художника. Доброта, высокая, альтруистическая доброта шла рука об руку с жестокостью. Ибо надо быть жестоким, чтобы спокойным, объективным оком созерцать кулисы войны со всеми ее леденящими душу кровавыми кошмарами.

По словам графа. Верещагин ненавидел войну и вместе любил ее. Нельзя всю свою жизнь посвятить изображению того, чего не любишь. А ненависть Верещагина. к войне сказалась ярко в его отрицательном к ней отношении. Безвременная гибель художника

вдвойне печальна: во-первых, жаль, что утас такой великий цельный дух; во-вторых, благодаря смерти Верещагина, мы не увидим цикла, картин из такой интересной и вместе ужасной войны, как русско-японская.

Умер Верещагин, как ему нужно было. Умер на своем сорокалетнем посту. Было бы странно, если бы он скончался тихо и мирно в постели, среди домашней обстановки.

Свою речь вице-президент закончил следующими словами:

– Пожелаем успокоения его духу в самой беспокойной стихии...

* * *

Графа сменил бывший товарищ министра финансов В.И. Ковалевский.

Владимир Иванович сделал оговорку, что несколько затрудняется характеризовать Верещагина, не будучи ни художником, ни художественным критиком, а принадлежа к области, имеющей с искусством очень мало общего. Оговорка Ковалевского оказалась напрасной: речь его была стройна, последовательна и говорила о знакомстве с предметом.

Всю свою жизнь Верещагин был борцом за

дорогие светлые идеалы человечества. И теперь, на шестьдесят втором году он покинул семейный очаг, близких людей и уехал на Дальний Восток. Он сопровождал русских борцов в море, чтобы измерить глубину человеческих страданий в пучинах обманчивой таинственной стихии.

Смерть Верещагина, – какая в сущности ирония судьбы! Он хотел, горел желанием познакомить Россию, Европу, человечество с широкой панорамой японской войны, и не мог, сделавшись жертвой этой же самой войны.

Ковалевский отводит Верещагину одно из первых почетных мест в стане великих борцов. Верещагин – один из типичнейших представителей богатого русского народного духа. Он возвеличил слову Родину, как возвеличил ее Пушкин. Какой-то критик называет Пушкина, «всечеловеком». В живописи, в искусстве всечеловеком является Верещагин. Художественная критика называла Верещагина «жесточкой кистью». Иной она и не могла быть. Зрелище войны нельзя изображать слащаво и нежно. Но при всей жесточости своей

кисти, Верещагин не был тенденциозным. Он был объективен, и правдиво, честно отражал в своих картинах то, что наблюдал и видел.

Своей речью В.И. Ковалевский не думает влести новый венок во славу Верещагина. Василий Васильевич сам обессмертил себя еще задолго до кончины. Венки давно были, много венков, прекрасных и пышных. В большинстве верещагинских картин В.И. Ковалевский видит апофеоз русского солдата. «На Шипке все спокойно», «Забывтый». Нет, Россия никогда не забудет этого мощного и вместе скромного солдата, что разметался на пустынном берегу, одинокий, неподвижный, окруженный слетевшимся алчным вороньем.

Обогащая родное искусство, родное самосознание, Верещагин не обогатился сам. Его личные средства были всегда очень скромны. Львиную долю своих гонораров он отдавал на благотворительность. Он всегда был поборником женского образования. Он помогал женским медицинским Курсам, только что народившимся, неокрепшим еще материально. Пять тысяч со сбора туркестанской выставки он пожертвовал в новгородское земство для

народного образования. Пожертвовал с тем непременным условием, чтобы девочки учились наравне с мальчиками. Все, что у него было, он отдал России. Отдал ей и самое дорогое – свою жизнь...

В заключение В.И. Ковалевский коснулся настоящего вечера, сбор от которого предназначается детям и вдовам погибших героев. Дети – это первые жертвы войны, безмолвные, незаметные. Заботиться о них – священный долг каждого русского человека, любящего свою родину и защитников ее.

* * *

На кафедре появилась фигура И.Е. Репина, Черный фрак, длинные волосы, вдохновенное лицо. Публика приветствовала знаменитого художника аплодисментами. Слова Ильи Ефимовича настолько колоритны, что в передаче «своими словами» они будут бледны. На этом основании попытаюсь хоть приблизительно восстановить его речь.

– Ах, знаете, господа, Верещагин – такой гигант, что, приступая к его характеристике, я испытываю неловкость. Когда смотришь на этого колосса, все кажется вокруг таким ма-

леньким, ничтожным... Я – художник и буду говорить о нем, как о художнике, не касаясь его как общественного деятеля. Всякий раз, когда я вспоминаю Верещагина, я вспоминаю – Репин улыбается – карикатуру в юмористическом журнале: на него ведь много рисовали карикатур – он был страшно популярен... Верещагин мчится на локомотиве, в каждой руке у него по громадной кисти, и он красит ими воздух... Это очень меткая карикатура. Верещагин любил размах. В то время как мы работаем, мучимся над одной картинкой, сомневаешься, не доверяешь себе, он быстро писал целые серии, целые коллекции. Ах, какой это был успех! Я ничего подобного не запомню. У нас его сначала не признавали, но в Париже, в Париже – он там прогремел сразу. Все это было так необыкновенно! Приезжают наши в Париж.

– Верещагин, бывший офицер? – Ничего особенного...

– Как ничего особенного? Посмотрите его в салоне... Какой свет! А изразцы? – Настоящие изразцы!

Илья Ефимович останавливается, делает

продолжительную паузу, вынимает из кармана листочки, смотрит, надевает пенсне, откладывает листочки и продолжает:

– На все свое время. Что бы ни говорили, – это величина. Он – самобытен, он никогда, никому не подражал, он сам... Ах, как он увлекался! Он не шел за новаторами. Верещагин остался Верещагиным. Что такое новаторы? Они воображают себя новаторами, а на самом деле повторяют чужое. Все это было. Какой у них жалкий, крохотный масштабик! – и на кончике пальца, Илья Ефимович отметил крохотность масштабика новаторов.

– У Верещагина техника рядом с идеей. Вспомните его туркестанские картины. Восток, деспотизм... Жалкий бесправный народ. Это даже не мясо, а тряпки, целые вороха, грязных тряпок. У Гинсбурга Верещагин рассказывал, что на войне не умирают в каких-нибудь таких живописных позах, а просто, совсем просто. Идешь, видишь какой-то свернувшийся комочек, запекшаяся кровь – это убитый... До него не было солнца. Он первый у нас начал передавать свет. Самые художественные его картины – это средняя Азия.

Он не мог сосредоточиться. Лица у него не играют роли, он не занимался ими. Хотя нет – иногда бывало: его опиумоеды. Какая там психология! Потом у него есть еще одна картина: Турки победили и одеваются в наши мундиры. Какой-то араб напялил на себя пальто, кажется генеральское, и такая глупая самодовольная, улыбающаяся рожа. Это очень хорошо! Я не знаю, почему эта картина не попала в Третьяковскую галерею.

Ах, какой это гигант! Его можно сравнить с Наполеоном, Петром Великим. Говорят, он был жесток – может быть, хотя это не жестокость. Это сложность натуры. Помните, когда Петр Великий казнил Гамильтон – красавицу. Ей отрубили голову. Петр поднял ее, поцеловал и начал объяснять народу анатомию: какие жилы, вены. Это – не жестокость. Также и Верещагин. Привели пленных башибузуков. Он обращается к Скобелеву, или Куропаткину:

– Нельзя ли повесить этих мерзавцев?

Он был против войны, а поехал со Скрыдловым взрывать турецкий броненосец. Это сложность натуры: много противоречий. Он

любил все героическое: например, его Индия. Как все величаво, какой там свет! Можно даже подумать, что все это не на нашей планете. Его теперь критикуют, делают переоценки. Ах, это такие ничтожные переоценки...

* * *

Еще не смолкли продолжительные рукоплескания по адресу Репина, – на кафедре уже был маленький, смуглый и нервный скульптор Гинсбург. По словам его, редко в ком гармонировала так внешность с внутренним миром, как это было у Верещагина. Осанка, поступь, взгляд, благородство энергичных черт. Гинсбург, придя впервые на верещагинскую выставку, сразу, не видев портрета, узнал в толпе хозяина, Сам подвижный в достаточной степени, скульптор удивляется необычайной подвижности Верещагина. Сегодня Василий Васильевича – в Париже, а через месяц – уже на Гималаях, а там смотришь – уплыл в Америку. Ему не сиделось на месте. Он скучал в обычной буржуазной обстановке. Его тянуло к необычным людям, к необычной природе. С трудом Гинсбург, при помощи И.В. Стасова, уговорил Верещагина позировать се-

бе для портрета-статуэтки.

– Хорошо, – согласился Василий Васильевич, – я могу вам дать четыре дня.

Начались сеансы. И вместе с ними, вместе с удовольствием начались дни Гинсбурга мучения. Верещагин позирует на ногах. Позирует стойчески, несмотря на сильно раненую осколком гранаты икру. Гинсбург лепит, наконец, устает и просит пощады:

– Отдохнем, Василий Васильевич.

– Работайте!

– Я изнемог, обессилел, – я лепил вас пять часов!

– Ничего не значит, работайте! Приходилось работать...

Во время сеансов Верещагин рассказал Гинсбургу много интересного. Рассказал, между прочим, как в Азии его однажды чуть не убил курд-натурщик.

– Мне нужен был этюд смеющегося. Я нашел курда и просил его смеяться. Пишу, увлекся, смотрю, он уже не смеется.

– Смейся, – говорю.

Смеется через силу.

Прошло минут пять. Вновь исчезла грима-

са смеха.

– Смейся!

Курд начал смеяться болезненно, истерически и бросился на меня кинжалом. Едваобразумил его.

Верецагин был поборником натурализма; Гинсбург лепил при нем мальчика со вздутым животом.

– Как вы думаете, Василий Васильевич, уменьшить ему живот?

– Боже вас сохрани! лепите какой есть. Это чрезвычайно типично: чувствуешь, что желудок ребенка набит картофелем или кашей.

Верецагин советовал Гинсбургу вылепить Суворова. Не Суворова-полководца, а великого русского человека.

– На Марсовом поле – разве это Суворов? Это – какой-то греческий недоносок!.. Сделайте вы Суворова без всякой трескучей бутафории, лживой, ненужной, но что в его хилом, тщедушном теле угадывалась духовная мощь!

Маленького Гинсбурга сменил восьмидесятидвухлетний седобородый богатырь В.В. Стасов. Час с четвертью он читал по тетрадке

длинную, в несколько печатных листов, биографию Верещагина. Было утомительно, скучно и неубедительно. Ни одной оригинальной мысли, ни одного живого образа. Если не ошибаюсь эта же самая биография была помещена г. Стасовым в «Вестнике изящных искусств», кажется за 1884 год.

Пятнадцатиминутный антракт. Электричество вдруг погасло, и при помощи волшебного фонаря на экране сменяли друг друга Верещагинские картины, портреты его и студии парижская, московская, мюнхенская. Руководил фонарем и давал соответствующие объяснения библиотекарь академии художеств Ф.Г. Бернштам.

Были две картины, уничтоженные самим автором: «Забытый», о котором упомянул В.И. Ковалевский, и «Поклонение баче», где несколько сартов, с чувственными животными лицами, ухаживают за красивым, нарядным мальчиком. Это одна из самых психологических композиций Верещагина.

Далеко не все петербургские художники пришли помянуть Василия Васильевича. Громадное большинство отсутствовало. Как-то

разобщены у нас художники, и нет между ними прочной связи. Разве мыслимо что-либо подобное в Париже, если бы на войне погиб, так трагически Невилль или Детайль? Наверное, все, начиная с заслуженных мэтров, и кончая самыми юными учениками, почтили бы их память.

Обидное равнодушие!